

Арсения
Неназванная

Голоса

Рассказы

Арсения Неназванная

Голоса. Рассказы

«Издательские решения»

Неназванная А.

Голоса. Рассказы / А. Неназванная — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-969553-6

Истории Бездомного папы, маленькой девочки Юкки, живущей в сосновом лесу. Старого рыбака и бабушки-адмирала. Двух женщин. Стёпки. Мужа и жены. Детей из старого санатория. И тех, кто ещё живёт в этой книге.

ISBN 978-5-44-969553-6

© Неназванная А.
© Издательские решения

Содержание

Стёпка	6
Адмирал	9
Бездомный папа	11
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Голоса Рассказы

Арсения Неназванная

© Арсения Неназванная, 2019

ISBN 978-5-4496-9553-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Стёпка

Родился в селе на юге Московском. Река извилиста, зелёные берега. Высокое небо и редкие облака. Он бегал вихрастый, белоголовый. Быстроногий в многолетней майке, что досталась ему от доброго дядьки. Один в мире. Счастье сладкой булки.

Стёпка звала его баба. А больше никого не было. И не надо. В школу забрали круглолицего кареглазого. Там невзлюбили Стёпку. Может потому что сам не любил. Тосковал по холмам, деревьям говорящим, тропинкам лесным. А здесь, озирался как лилия срезанная у окна. Тёмные были времена, за революцией. Строили новое на ощупь. Свобода щекотала, злости добавляла. И старался Стёпка не пропасть, выплыть среди стен школьных, где неслись волны. Не пробудила ни одна душа в нём человеческого тепла.

Не помнил он отца своего, только отчество подарил. Баба в метрику внесла. Всё вышло, что родился Стёпка и сразу пошёл, не было в его зелёном прошлом ни папки, ни мамки. Баба его приютила в своей вдовьей комнатке. Выделила место на печке вместе с кошками, вечно родящими и котятками, что случайно выжили, не утопленные в ведре. Иногда Стёпка прятал их среди дров в сарае, подпирая пнём дверь. Если бы заметила бабка, то поколотила. А страшнее, заперла бы в доме, разлучив с друзьями клёнами.

В школе понял, что надо просто расчертить внутри себя всё линейкой, разделить на щепочки и ставить домиком, тогда всё стоять будет, тепло давать. Если много накидать, то не разгорится, мало потухнет. Так и с этими учителями и ребятами. Выставляешь бабки «гуськом» или «забором», а там выбивай точнее. Полегче стало жить Стёпочке, шутки редко делали – чай посолённый, да и то может случайность. Ходил как спал, в мечтах улетал далёко. Вдруг закончилась бесконечная школа и пошёл он без выбора в военное.

А там всё тоньше по линейке, знай вымеряй. Хуже не стало.

Влюбился в капитана, в нежную шею, пальцы веточки, глаза весенней проснувшейся ложбинки за домом. На него свелось всё, что клёнам отдавалось. Теплота в груди зашевелилась, чуть немного.

«Тьфу, как такого мужика зовут? Пошел вон!».

За что? Больно, больно, сжался щеночек, что гонял кузнец за ухо поросычье.

Теперь жизни точно не видать Стёпаньке. Изведут. Спасаться надо.

Раскачивался взад-вперёд в леске за казармой. Нашёл его дневальный. Иди, говорит, капитан вызывает. Отсчитал слов, что не скажет никому и сам добьётся перевода малахольного в другую часть, иначе позором и его покроет.

Понял Стёпка годков через пять за что злился на него капитан. Ужаснулся. И что же плохого-то было в его очарованности капитаном? Не хуже это чем любоваться жёлтыми шарами цветов у заброшенного дома.

Выпустился из училища совсем обалдевшим железякой. Отправили служить в часть. Утром съедал порцию овсянки с квадратиком масла. Ходил на службу. До плаца ровно сто восемь шагов, на брюках стрелки, вытянутые леской с грузиками, ежедневно. Вечером газета и книжки классиков из читальни. А там спать под тонким одеялом на скрипливой раскладушке. Сны не видеть.

Раз в лето, на сборах, засыпать снаружи, у деревьев. И детство чувствовать во снах.

Бабе письма не отправлял, не умеет она читать. Телеграммы давал пятым числом месяца. А там два слова:

Здоров Служу

В сентябре ездил к ней на побывку.

Встретил женщину с девочкой. Почти съехались, а тут призвали.

Война.

Всё она вывернула наизнанку. Что сказать не знаю.

Через два месяца стал Степаном Александровичем и больше никогда Стёпкой не просыпался до самой своей смерти.

Плакал в траншее один раз. Впервые ощутил мокрую от чужой крови гимнастёрку, тащил стрижат курсантов. Он старший. По щекам отхлестал его тогда злой вояка сосед.

Самой тяжелой была винтовка без патронов в наступлении.

Поседел правый висок. Не заметил.

Оторванными кусками остались в нём воспоминания. Никогда не смог рассказать складно о войне, пионеры спрашивали и бабы за столом. Как и не воевал. А ведь всю прошёл. Сам перечитывал в документах. Да, так и есть.

Оглух душой. И лучше так, смог выжить. А многие полегли, потому как жили душой. Кому она нужна на войне? Лучше спрятать в дупле дубовом. Как прятал луковички, яйца на своих прогулках до утра, в той жизни дошкольной. Там отливала его кожа голубым отсветом неба.

Иногда думал Степан Александрович, что было бы оставь его в лесу, не выдерни. В какое бы дерево он превратился? С чьей семьей птичьей или лисьей стал бы жить? Что был бы за дом-нора?

А так не пришёл он к людям. Не человек, не дерево, а так спящая машинка. Глаза открывает, руками двигает. Что от него ждут непонятно. Люди странные, чего хотят, врут, страдают, зачем?

В госпитале ухаживала за ним сиделка. Он женился, чтобы убежать взглядов и глупых шуток, которые никогда не понимал, но скребли его по коже. Мерзко.

Жили, жили, поживали.

Всё по порядку, супруга согласилась, выполняла. А больше не надо ничего. Вроде.

Сервант купили.

А потом в один день увидал он как вспышка золотистую девочку с большими большими глазами. На качелях. Скрип-скрип, скрип-скрип. Зашевелилось в нём неведомое. Подступило к стенке груди. Ступил вперёд, а что делать то дальше не знает. Сжимал её в руках, долго, пока не разжались сами собой, потные. В горле зачесалась хрипота. Убежала девочка. А он всё ходил на ногах не своих. Что сделала с ним девочка. Не подпускала его больше, кричала молча. Так и стоял он рядом, не понимая зачем, конфеты носил. А что ещё дают золотистым девочкам, не знал.

Забрала её нянька, увезла на лето. Жена к врачу отвела, обследоваться. Отказали. Мест нет. Супруга сильнее губы поджала, да и всё. Так и оставили.

Понял Степан Александрович, подслушав соседей, что любят золотистые дети. Стал шутить, да кормить конфетами как птичек зёрнышками. Налетали, крыльями задевали.

Жена глаза закрывала на придурь старого. Лучше чем водку хлестать, как другие.

А он всё ждал, когда вернётся золотистая девочка с большими большими глазами. Хотелось ему перед смертью повидаться с ней. Может и у него внутри крылышки вырастут и улетит он наконец в леса зелёные. А иначе без них не взлететь. Устал он как и не передать, сердце еле ходит. Недолго уже осталось.

А девочка всё не шла. Спрашивал у няньки. Далёко отвечала она.

Как же теперь, где найти?

Чаще лежал, давление измерял. Баба его умерла лет двадцать назад, долгожительница. Ничего уже не держало, хотел поскорее освободиться из тесной комнаты.

Вышел на балкон, а там она. Бегает с бантами, прыгает через скакалку. Взлетают оборки платья, хвосты отбрасывает назад, чтоб в глаза не лезли. Хохочет, запястьем нос вытирает. Свет золотится. Взглянула на него своими синими большими глазами. И сердце встало. Ни глоточка воздуха уже не втянул в себя напоследок Стёпка. Взлетел, оторвался и к лесам, небу высокому с редкими облаками помчался скорее. Что же это была за жизнь у него? Такая жалость.

Похоронили Стёпку на дальнем кладбище, так хотел. В дальнем углу, у берёзы. Обещание взял с супруги, чтобы не убирала она могилу. Пусть зарастает скорее высокой осокой, одуванчиками, букашками, колокольчиками.

Адмирал

Чин адмиральский. Получил в семье. Все держал на себе, командовал. Тактики, стратегии. Наперекор всему. И юбка не помеха. Для настоящего адмирала.

Они не выходят на пенсию. Всегда наготове. В курсе у кого что. Только тогда могут всхрапнуть. Подложив под голову гору подушек. Заткнув фартук повыше. Но не снимать! Ведь еще курочку, варенье и рыбку посолить.

Сниться адмиралу лицо немца. Расплывчатое, курносое. Проверяет спит ли маленькая. Не пора ли поднять. Все жилы стали железными, застыли артерии. Не шевельнуться. Мать в погребке прячется. Уходят немцы сегодня, а этот хочет забрать с собой приглянувшуюся ему русокосую славянку. Да только где она? Вот дочка. Лет пять. Чернявая. А матери нет. Ходил к ней, добивался, всё зря. Ускользнула. Может девчонку поднять, мать прибежит. А если убьёт? Они хитрые.

– Свьетта, Свьетта.

Бегают. Кружит, всхлипывает. Мать не выйдет. Адмирал это знает. Мать сказала лежать, так и будет. Мать сердитая, прибить может, если ослушается. Только папку боится. Но он далеко, на войне. В немцев стреляет.

– Свьетта.

Бормочет что-то по ихнему. Не уходит. Иди уже. Не найти тебе мамку.

Вздыхает адмирал, на другой бок поворачивается. Опять снится что-то. Еще пять минут и пойду выключать заливное.

Картошка пустая, подгнившая. Запах этот ни с каким не перепутать. Папка не вернулся, пропал без вести. Ничего не осталось. История тёмная. Мать сожгла все письма, одно фото за шкапом спрятала.

Ой. Упустила, выкипело. Ты подумай. Вот шляпа!

Адмирал стоит, ноги на ширине плеч, руки в бока и кричит, так что на лавочке, у подъезда, слышать. Вопль в пустоту, тому, кто не уследил, а должен. Навёл дремоту. А теперь как, выбрасывать? Нельзя. Добро переводить. Что придумать?

Подпёр щёку, задумался, чай пьёт. А может мысль придёт, что делать.

Университет. Высотки в Москве, широкие улицы, дышится легче, чем в городке. Там зелено, а тут пыль вкусная. Залетает и напоминает, ты студент. Большого Университета. Гордость, ничего, что платье одно и ездить каждый день два часа на электричке в маленькую девятиметровую комнатку, делю с мамой и братом. Зубрю на крыльце или обмотавшись в пуховое, зимой, на лестнице. Тебя все уважают, ты студент.

Одинок адмирал, нет никого. Все мельче, нет родственной души. Уже нет. Была подруга, но сгинула в послевоенные годы. Страшно там было. Много сгинуло. Но будто не заметили, ведь строили, расцветала сирень, книги. Глупые были. Сейчас бы не так все было. Но не вернуть. Осталось адмиральствовать. Ну, а как нет то, кто ж тогда всех удержит. Они ж слабые,

не умеют. Что они видели в жизни своей, дети, внуки мои. Да, ничего, так поигрались, легко им все дается. А вдруг война, болезнь, да мало ли что. Они разве ж смогут кровяную колбасу накрутить, рецептов народных не знают. Порхают. Ну и правильно. Чего следить, вот я есть.

Поднимается, кряхтит адмирал по утрам. Кости собирает. В окошко глядит, что там с погодой. Опять жара. Дождик бы пошёл. Посохнет всё. Юбку натягивает, шишка на ноге ноет. Эх, старая стала.

Звонок, соседка сверху. Поговорить хочет. У неё муж умер давно, а она все не привыкнет, не может готовить себе, деньги не считает. Бедствует, одним словом. А такая была пара, преподаватели в институте. Детей не родили, жили для себя, а теперь нет никого.

Вот, я старая! Забыла творожок купить, теперь до среды ждать, когда моя Галочка придет. Она мне всегда хороший оставляет. Надо будет отблагодарить. Хорошая женщина. Сама из Кривого Рога. Сюда приехала за дочкой. А теперь не нужна стала, вот крутится.

Эх, мне бы в Москву сейчас, люблю как её, кто бы знал. А сил нет уже доехать. Сидеть теперь в жаре, здесь. Степи кругом, хорошо река есть. Неужели, не увижу больше Москвы моей? Странно. Страшно. Сил нет. Да. Охохонюшки хо хо. Чай что ли заварить свежий? Почитать Третьякову.

Что опять? Почему не выдали замуж вторую внучку? О чем только мать думает и не надо мне объяснять про другое время. Одно время. Всегда одно, при муже надо быть. А так, что она делать то будет? Одна. Бедная, несчастная Варька. Что же не везет ей всегда, хорошо, конечно работа есть. Плохонькая, но все же. Что за моду взяли устраиваться на тряпочные базары. Ну и компьютер их ничего не меняет. Все-равно тряпки они и есть тряпки. Как бы не продавали. Нет, чтобы людскую работу найти, инженером на фабрику. А так. Не знаю, о чем там мать с отцом думают, как и не я её воспитывала, а мужу её сколько раз говорила, учила, а он все свое заладил. Дурак, он и есть дурак. Тридцать лет живут, а ума не прибавилось. Мало били, как моя бабка бы сказала, мало.

Заболела Ирка то моя. Заболела... Допрыгалась на трёх работах. Муж дурак ещё. Ох, что делать то? Собраться! Так, значит надо позвонить Надежде Петровне, она работала в больнице, бухгалтером. Лет пятнадцать назад. Но знакомые то наверняка остались. Потом найти в моих журналах кто эту дрянь чем вылечил, все переписать и следить, чтобы пила. Мы не проиграем! Не раскисать. Меня мать в войну вытянула, а я что? Еще в Германию позвонить, там муж Ирины Георгиевны живет. В Москве Ленка, внучка моей подруги, может что посоветует. Спросить у Тамары Сергеевны, как она от этого самого вытягивала сыночка своего. А то ишь, врачи сказали пара лет осталась. Я им устрою пара лет! Они меня не знают. Где их учили? Молодые, небось. Что они видели? У нас в деревне у бабки еще не такое до войны выправляли. Я что зря её растила, Ирку? С мужем офицером по лесам моталась. Чтобы загубили врачи? Не грустить! Собралась. Дел ещё столько.

Вытянули Ирку, еще восемь лет пожила, моя дочечка. Варю замуж отдала. Красиво на свадьбе погуляли. А потом зачахла. Лучше б я вместо неё. А не взяли... Билась я до последнего. И моя мамка билась бы, если бы меня немец тот обидел.

Может Варя дочку родит, будет мне дело. Может побоятся, руки слабые у меня теперь, вдруг уроню подумают. Чтобы ей подарить на годик? Ой. Размечталась...

Бездомный папа

Хлесткий ветер пронырливо продирается к коже. Лицо в струпьях. Пальцев давно не чувствую. Вот бы в Италию или на Черное море. Мооре, море... как дальше забыл. Собираюсь всем телом. Надо так застынуть, чтобы не чувствовать боли. Чаю бы с малиной в сильно наопленной кухне маминого дома. А где он, дом... Далеко... и живет там другая семья. Лучшие так, чем стоять ему опустошённым. Может пристроили комнат, будку рэксову разобрали. Не узнаю я дома, кусочек разве проглянется. А какие там сады вокруг! Яблоневые. Что и говорить. Некому. Если старому Сэму. Или дочке, думаю она меня слушает из другого то мира. Как матрешки небось эти прозрачные миры – один в другом и можно если застараться, то и увидеть, что в соседнем делается.

.....

От него пахло спиртом и чем-то неясным, но то, что я определенно относил к нему. Мой папа-бездомный. Я пишу о нем, но не знаю где он. Уже лет пятнадцать, смотрю на него из другого мира.

О чем он мечтал в детстве? Стать сильным, удачливым и носить дорогой парфюм. А превратился в человека помойки... Строил замки, служил в сити, оплачивал загородный дом, а теперь мочится где придется.

.....

*«Слушай, оставь допить, а?»
«Пиёл ты!» брезгливо отдернул руку.
«Ну оставь, остааавь...» канючу.*

Где осталось мое достоинство? Да кто ж его знает. Как происходит, что становится все равно на лицо в зеркале и больше не тошнит от запаха грязного тела?

У меня в шалаше, который сразу за вторым въездом, все обжито. Соседи достойные люди. Я сижу у входа и скручиваю фигурки из прутьев – поезда, самолеты.

*«Заходи, Сэм. Присаживайся.»
«Почему ты зовешь меня Сэм?»
«Ну так романтичнее что ли, знаешь как в кино».
«Как улов?»
«Да никак, пусто»
«Вот поганый кризис»
«Да, покупать стали меньше»
«Ладно, пойду к Сереге».*

И так день за днем, несколько фраз дружбу нашу держат.

Я перестал следить за временем, не знаю сколько прошло с того дня, как впервые заночевал на улице. Тогда был здорово несчастен, поругался с женой и ушел в парк. Лежал на скамейке, глядел в небо. Утром вернулся, хотя часть меня знала, что на улице я вернусь скоро. Так и случилось.

Много чего было в той жизни, но вспоминать лень. Ни злости, ни обиды на них нет. Только жаль, что плохо помню как выглядит дочка, ни одного фото. Глаза вот только, самое яркое, по ночам со мной говорят. Дочка.

.....

Папа, ну что ты совсем раскис. Так нельзя, помнишь писал стихи, мне было пять. Я в садике думала, что у меня настоящий поэт дома живет, как Барто. А потом все изменилось. Никто не может вспомнить, кто толкнул весы и раскачалось. И больше никогда не стало таким, как раньше, спокойным, предвечерним. Я спрашивала: что это был за миг? Когда полетел камешек. Мне нужно знать, чтобы изменить, создать другую реальность, обязательно надо видеть момент. Может папа ты вспомнишь, только не докричаться до тебя мне отсюда.

Как он исчез из своей жизни? Растворился в делах. Папа, вернись. Я не буду больше заикаться.

.....

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.